

The article briefly highlights the development of phonosemantics from antiquity to the modern state. The two main approaches are examined: lexico-semantic and psycholinguistic. Recent phonosemantic trends in Russian linguistics are represented. The combination of lexico-semantic, psycholinguistic and statistic methods obviously witness about the leading role of iconicity principle in the development and functioning of language.

Key words: phonosemantics, sound symbolism, iconicity, psycholinguistics, statistic method, lexico-semantic method, phonosemantic space.

Наиболее древние исторические памятники письменности, описывавшие человеческий язык, так или иначе касались проблемы соотношения формы слова, его составляющих и значения. И в древнееврейском мистическом учении Каббала, и в сакральных текстах Упанишад, и в рунах Викингов уделяется внимание особой символической функции букв (отличие между фонетической и графической стороной языковых элементов не проводилось). Обзор этого аспекта можно встретить в диссертации Штефана Этцеля [24] и в работах Маргарет Магнус [25, 26, 27].

В Древней Греции проблема соотношения внешней (формальной) и внутренней (семантической) сторон слова тесно переплеталась с вопросом о происхождении языка. Философы, обсуждавшие эту проблему, разделились на два лагеря. Одни утверждали, что имена объектов основываются на их природе (фюсей), имена есть «подражание» природе вещей, выражение их скрытой сути. Другие, наоборот, полагали, что обозначение объектов человеком носит договорный характер (тесей).

Основателем «природной» теории стал пифагорейский философ Гераклит, для которого слова являются «тенью» вещей, их образом, подобно отражению деревьев и гор в реке. Последователи Гераклита при попытке ответа на вопрос, каковы были первые слова, разделились на два лагеря. По мнению одних, первые слова были подражаниями звукам, издаваемым объектами живой и неживой природы, и эти слова остались именами живых существ и вещей (звукоподражательная теория). По мнению других, первые слова возникли на основе бессознательно издаваемых звуков, которые выражали различные состояния души и впечатления человека. Позднее эти невольные крики стали именами реалий, которые вызвали эти состояния души, впечатления и т. д. (теория междометий).

Первой научной работой, посвященной фоносемантической проблематике, можно считать диалог Платона «Кратил», где философ рассуждает о правильности первых имен и отвергает их божественное происхождение. Основная мысль, которую проводит автор – это принцип имитации, лежащий в основе первичного наименования. Он переносит естественную кинесическую имитацию (подражание телом) на подражание вербальными средствами (голосом, языком и ртом). Вместе с тем Платон отдает себе отчет, что не все слова могут быть истолкованы с точки зрения подражательной теории: слова, производные от первичных подражательных, могут потерять эту видимую связь между звучанием и предметом, и тогда вступает в силу условность (т.е. произвольность).

Большое внимание связи между звуком и значением уделяли стоики. Первые звуки, согласно стоикам, подражали вещам, причем подражание это мыслилось как звукоподражание, непосредственное или опосредованное сходством звукового

впечатления (грубость, мягкость, сила и т. д.) с впечатлением, доставляемым вещью [1: 79-84].

В Средние века и в эпоху Возрождения та же проблема периодически всплывает в различных мистических и религиозных текстах, не получая все же достаточно убедительной аргументации ни с одной (фюсей), ни с другой (тесей) стороны. Большинство философов, находясь под сильным влиянием Аристотеля, продолжают придерживаться взгляда о немотивированности фонетического слова его значением и обозначаемым предметом.

Тема, поднятая в III в. до н.э. Платоном, получила замечательное развитие в философско-языковой концепции Готфрида Вильгельма Лейбница почти двадцать веков спустя. Заимствовав не только проблему, обсуждаемую Платоном, но и сам жанр диалога, Лейбниц настойчиво придерживается мысли о естественной связи между звучанием слова и обозначаемым предметом. Однако его размышления далеки от прямолинейности. Говоря современным языком, Лейбниц различает синхроническое и диахроническое понимание языка. С точки зрения первого, слова произвольны: они являются для людей «знаками их идей». Однако по происхождению, «в основе они все же имеют в себе нечто первичное, обнаруживающееся в них в связи с возникновением новых коренных слов, образовавшихся в них впоследствии случайным образом, но по физическим основаниям» [10: 279].

В XVIII в. фоносемантическую традицию продолжают видные французские классицисты Ш. де Бросс, К. де Жеблен, Ш. Нодье.

Шарль де Бросс в своем «Трактате о механическом образовании языков» доказывал, что ранее существовал абсолютный язык, который был органичным, материальным и мотивированным. В этом первобытном универсальном языке звук полностью соответствовал значению слов [12: 26].

Клод де Жеблен писал, что речь является ни чем иным, как изображением идей, а идеи – изображением объектов; таким образом, должна существовать естественная связь между словами и идеями, которые они представляют, как существует она между идеями и объектами.

Шарль Нодье усматривает подражание письменными знаками самих звуков, хотя и не без посредничества экстралингвистических объектов, с которыми эти звуки тесно связаны в ментальном представлении.

Одним из горячих сторонников мотивированности отношений между звуком и значением являлся Вильгельм фон Гумбольдт, выделявший три способа обозначения понятий. По мнению Гумбольдта, первый способ – живописный – заключается в непосредственном подражании, «когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки способны передать нечленораздельные». Второй способ, названный Гумбольдтом символическим, «основывается на подражании не непосредственно звуку или предмету, а некому внутреннему свойству, присущему им обоим». Третий способ – аналогический, строящийся на сходстве звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий, является наиболее плодотворным, т. к. строится уже на готовом инвентаре звуковых единств, созданных первыми двумя способами [6: 92-94]. Согласно Гумбольдту, каждое понятие обязательно должно быть внутренне привязано к свойственным ему самому признакам или к другим соотносимым с ним понятиям, в то

время как артикуляционное чувство (Artikulationssinn) подыскивает обозначающие это понятие звуки.

Более глубокое психологическое осмысление проблемы происхождения языка и естественной мотивированности слова принадлежит видному немецкому психологу Вильгельму Вундту. Его знаменитая теория «жестового происхождения языка» [3, 4] не раз подвергалась критике с точки зрения социальных теорий, руководствовавшихся работой Ф.Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». На самом деле, одна теория не исключает другую. Напротив, они находятся, скорее, в дополнительных отношениях: теория Энгельса объясняет, как через усложнение труда и все возрастающую его коллективность происходит становление человеческого мышления, тогда как Вундт пытается вскрыть динамику семиозиса в человеческом обществе, отталкиваясь от наиболее наглядных знаков в человеческой коммуникации – жестов. Его мысль о преобразовании мануальных и мимических жестов в жесты речевые (языковые) находит значительную поддержку в современной фоносемантике [2, 12, 24].

В начале XX в. интерес к проблеме взаимосвязи звука и значения был существенно ослаблен появлением новой парадигмы в языкознании – структурализмом Ф. де Соссюра и его главным принципом произвольности языкового знака. С другой стороны, зарождение психолингвистики в 20-30-х гг. как объективного инструмента исследования человеческого языка посулило новые возможности для разгадки вечного вопроса. Именно с этого времени отмечается подъем экспериментальных изысканий в области языкового звукосимволизма, пионером которых считается Эдвард Сепир [29].

В новейшее время, 2-я половина XX века и начало XXI, исследования соотношения «звук – значение» продолжают и множатся по всему миру, развивая два установившихся подхода: лексико-семантического и психолингвистического.

В отечественном языкознании, пожалуй, первым после А.А.Потебни ученым, осмелившимся научно доказать звукоизобразительное происхождение языка, был А.М. Газов-Гинзберг с его небольшим по объему, но очень глубоким трудом «Был ли язык изобразителен в своих истоках?» [5]. Изучив звуковое строение и семантику прасемитских корней, исследователь находит акустико-артикуляционные основания для символизации определенных действий и признаков, а также показывает эволюцию первоначальных значений через семантические преобразования.

С конца 60-х гг. фоносемантические исследования как в диахроническом, так и в синхроническом планах продолжает Виктор Васильевич Левицкий. Отмечая существенное различие между субъективным символизмом (выявляемая экспериментальным путем связь определенных звуков и значений в психике человека) и объективным символизмом (связь определенных звуков и значений в словах того или иного языка), В.В. Левицкий кропотливо исследует оба этих аспекта. Причем анализу подвергаются не собственно звуки или фонемы, а дифференциальные признаки фонем. Так, в аспекте субъективного символизма, обобщив предыдущие межъязыковые экспериментальные данные и дополнив их своими собственными, ученый обнаруживает, следующие корреляции между понятиями и дифференциальными признаками:

Понятия Дифференциальные признаки

«Большой» звонкость, дрожание, задний ряд, нижний подъем

«Маленький» глухость, латеральность, передний ряд, верхний подъем, средний подъем

«Сильный» звонкость, смычно-фрикативность, взрывность, дрожание, задний ряд, лабиализованность

«Слабый» глухость, сонорность, латеральность, передний ряд, нелабиализованность

«Быстрый» смычность, взрывность

«Медленный» сонорность, фрикативность

Обширные межъязыковые данные позволяют ученому сделать вывод о межнациональном характере субъективного символизма не только по ранее установленной шкале размера, но и по другим шкалам [8: 27].

В области объективного звуко-символизма В.В. Левицкий также существенно обогащает наработанные ранее выводы. Применяя экспериментально-статистический метод к анализу словарного состава 53 родственных и неродственных языков, ученый приходит к важным выводам: 1) о различии символического потенциала у конкретных гласных и согласных, а также у их дифференциальных признаков; 2) о различии символической активности между определенными шкалами (твердости, гладкости, активности, света, формы, размера, температуры, оценки); 3) о вокалической или консонантной предпочтительности в символизации различных шкал; 4) о статистически значимой корреляции между шкалами (семантическими единицами) и сходными фонетическими единицами в различных неродственных языках; 5) о статистических звуко-символических универсалиях; 6) о различной символической активности разных полюсов одной и той же шкалы [8: 45-46].

Проводя различие между собственно фонологическими оппозициями, которые В.В. Левицкий называет коммуникативными, и звуко-символическими (экспрессивными), автор выводит отсюда два важных следствия:

1. Звуковой символизм носит не абсолютный, а относительный характер (определенные звуки имеют символическое значение лишь постольку, поскольку им противопоставлены какие-либо другие звуки).

2. Экспрессивные (звуко-символические) оппозиции в том или ином языке, по-видимому, не всегда совпадают с коммуникативными (т.е. принятыми в фонологии) оппозициями в том же языке.

Последнее следствие открывает широкие перспективы исследования экспрессивных оппозиций специфических «национальных» и межнациональных (универсальных) [8: 52].

В 1974 г. выходит в свет монография А.П. Журавлева «Фонетическое значение» [7]. Автор применяет метод «семантического дифференциала» Ч. Осгуда к звукам русского языка. Испытуемым предлагалось оценивать звуки по 3-балльным шкалам в ассоциации с понятиями «большой – малый», «приятный – неприятный», «горячий – холодный», «грубый – нежный», «высокий – низкий» и т.д. В результате обнаружили определенные «предпочтения» звуко-смысловых соответствий, выраженных количественно. Каждому звуку было приписано определенное место в смысловом пространстве предложенных шкал. Причем наиболее релевантными были признаны шкалы «сила», «активность»,

«оценка». Практической верификацией выводов А.П. Журавлева стала «обратная сборка» слов из полученных фоносемантических соответствий и получение обобщенного фонетического значения (ореола) слова. Так, например, вычисленное фонетическое значение слова жаба составляют такие параметры: «теплое», «активное», «печальное». Невольно возникает вопрос: какой из этих параметров наиболее ярко представляет денотативные свойства объекта? Приходится признать, что, несмотря на соблазн использовать прием суммирования отдельных звуко-семантических ассоциаций в результирующее общее фонетическое значение слова [20], остается опасность субъективной интерпретации конечного коннотативного целого.

Экспериментальная методика, примененная А.П.Журавлёвым, нашла свое продолжение и в новейший период, уже в аспекте звуко-цветовой ассоциативности. И хотя начало исследования этого объекта было положено всё тем же ученым, более скрупулезный анализ и современные достижения компьютерной техники позволили Л.П.Прокофьевой расширить его горизонты до проблематики звуко-цветовой картины мира: индивидуальной, национальной и универсальной [19].

Вслед за Журавлёвым, Л.П.Прокофьева выделяет в качестве единицы исследования звукобуквы, или графоны — синестетические аудио-визуальные образования, гипотетически обладающие семантическими свойствами, в том числе и хроматическими коннотациями. За основу принят ассоциативный эксперимент: опрос информантов на предмет ассоциирования той или иной звукобуквы с тем или иным цветом. Для большей степени надежности выводов Л.П.Прокофьева предприняла повторение эксперимента через 10 лет, а для выяснения национальной специфики звуко-цветового восприятия привлекла русско- и англоязычных информантов.

Разумеется, первый вопрос, который интересует ученого, — есть ли общие тенденции в звуко-цветовой картине мира различных лингвокультур? Оказалось, что есть, и проявляются они прежде всего в интерпретации графонов А, О и М [19: 139-140]. Статистическое большинство русско- и англоязычных респондентов при оценке цвета А отдали предпочтение красному, О — белому. Это обстоятельство побуждает автора к предположению об универсальности этих звуко-цветовых соответствий, к тому же о первооснове самих этих цветов в эволюции цветовосприятия человечества. Тем более, что само звуко сочетание АОМ невольно ассоциируется с верховной магической мантрой «ОМ», воплощающей в себе изначальную энергию-первопричину бытия и результат — созданную Вселенную.

В 1982 г. в российской фоносемантике происходит новое событие – появление научного труда Станислава Васильевича Воронина «Основы фоносемантики» [2]. Исходя из звукоподражательных (ономатопеических) образований 250-ти языков, ученый обнаруживает основные типы звучаний действительности (денотатов) и их коррелятов в фонетическом пространстве языков. Так же, как и В.В. Левицкий, ученый опирается на дифференциальные признаки звуков, такие как взрывность, сонорность, лабиальность, задне-(передне-)язычность, верхне-(нижне-) рядность и т.д. Учитывая вариативность в фонологических составах различных языков, автор вводит термин «фонемотип» (в позднейших работах – «фонотип»), представляющий собой инвариантную единицу по отношению к фонемам, сходным по какому-либо артикуляционному или акустическому признаку. По сравнению с предыдущими исследованиями в истории фоносемантики, С.В. Воронин обращает внимание не только на отдельные фонемы или дифференциальные признаки, но на корневые («канонические») модели типа CVC, VCC, CCV, VCV и т.д., обозначающие те или иные типы внешних звучаний. С точки зрения дифференциации акустических параметров звуков действительности (инстанты, континуанты,

фреквенталии их разновидностей) и их соотносительности с фонетическими возможностями языка, это, пожалуй, наиболее скрупулезный анализ фоносемантических соответствий. Главным теоретическим тезисом работы С.В. Воронина является объединение понятий звукоподражания и звукоимовизма как двух естественных составляющих одного языкового процесса – звукоизобразительности, которая служит основой для происхождения и развития языка («примарная генетическая мотивированность»). Здесь угадываются нити, ведущие от Платона и В. фон Гумбольдта, но уже на новом научном витке.

Тема примарной генетической мотивированности языкового знака С.В. Воронина получает последовательное развитие в нашей концепции «фоносемантического поля» [11]. Обобщив опыт всей предыдущей многовековой традиции в проблематике звукоимовизма и подведя семиотические, психологические, психофизиологические и лингвистические основания фоносемантической сущности языка, мы выявили полевой принцип фоносемантического феномена. Таким образом, оказывается, что звукоизобразительность – это не частный случай в устройстве языка, некий изолированный островок, а закон, определяющий происхождение, развитие и функционирование языка. Смысл концепции заключается в том, что речевые звуки обладают богатым символическим потенциалом для обозначения как звучащей, так и незвучающей действительности. Этот потенциал обеспечивается вариативностью акустико-артикуляционных параметров звуков и механизмом синестезии. Заимствовав у С.В. Воронина понятие «фонемотип», мы придаем ему новое содержание: будучи не только формальным инвариантом для фонем, эта единица представляет собой фоносемантическое единство, способное в различных словопостроениях реализовать один из своих символических потенциалов и, следовательно, направлять дальнейшую семантику слова.

Межъязыковые исследования семантики начальных согласных, фонем, а также и конечных фонем (рифм) [13, 14, 15, 16, 17, 18] обнаружили явные закономерности структурирования фоносемантических полей и, шире, фоносемантических пространств. Оказалось, что всё многообразие лексической семантики можно свести к довольно ограниченному числу ядерных (предположительно в генетическом смысле) значений, которые мы называем «семантическими прототипами», такими как РЕЗАТЬ, БИТЬ, СЖИМАТЬ, ОКРУГЛОЕ, ОСТРОЕ, ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ и некоторыми другими. Эти значения обладают очень широкими порождающими способностями, что наблюдается как в синхроническом аспекте полисемии, так и в диахронических семантических переходах. К тому же все они относятся к разряду звукоизобразительных, что доказывает их изначальный прототипический статус. Таким образом, фоносемантическое пространство того или иного языка складывается из фоносемантических полей, представляющих собой семантические системы, интегрированные мельчайшими единицами языка — фонемами или дифференциальными признаками.

Продолжение фоносемантических идей С.В. Воронина отчетливо прослеживается в докторской диссертации С.С. Шляховой «Фоносемантические маргиналии в русской речи» [22] и ее монографии «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики» [21]. Объектом исследования С.С. Шляховой, так же, как и у С.В. Воронина, является звукоизобразительная система языка, т.е. звукоподражание и звукоимовизм. Однако автор сосредоточивается на специфическом для языка феномене – ЗИ-единицах, статус которых в лингвистике не определен. В основном, это так называемые первообразные междометия с их производными, которые сохранили свою примарную мотивированность, в отличие от большинства слов естественного языка. С.С. Шляхова вводит для них обобщающий термин «фоносемантические маргиналии», реализующиеся в виде

акустических и артикуляторных ономапов, ономапов говорения, слов-обращений к животным, подражаний голосам животных и птиц, различных разрядов звуко-символических слов. Будучи маргинальными по отношению к языковой системе, эти единицы оказываются ядерными для ЗИ-системы, а, следовательно, постулируются как «колыбель» языка, первые протослова.

Большинство рассмотренных выше психолингвистических и лексико-семантических исследований не обходятся без элементов статистического анализа для обоснования тех или иных звуко-символических тенденций языков. Выводы, подкрепленные численными показателями, приобретали, таким образом, более-менее достоверный характер. Одна из последних по времени работ В.В.Левицкого — «Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт квантитативного анализа этимологического словаря» [9] — представляется выдающимся дерзновением автора «поверить алгеброй гармонию», продолжая подход, отработанный десятилетиями на разнородном материале. Задача, поставленная ученым, заключается в проверке ряда гипотез о формально-семантических связях индоевропейского корневого фонда, а именно: 1) о связях между семантическими единицами, 2) между формальными единицами, 3) между формальными и семантическими единицами.

Известно, что этимологические толкования, несмотря на строгость сравнительно-исторического метода, носят довольно субъективный характер. Тем не менее, они могут рассматриваться как версии, которые ждут своего подтверждения или опровержения с помощью какого-то иного метода. Как справедливо считает В.В.Левицкий, такая проверка возможна с применением статистических методик. Он, в частности, использует три вида статистического анализа: корреляционный анализ, критерий χ^2 и коэффициенты сопряженности (коэффициент Бернулли Ф и коэффициент Чупрова К). В результате проведенных таким образом исследований В.В.Левицкому удалось прийти к следующим интересным выводам (мы ограничимся лишь самыми общими выводами, отсылая читателя к самому первоисточнику).

1. В семантическом аспекте выявлены сверхсильные связи между гиперсемами [разъединять], [соединять], [гнуть], [движение] и [звук] (с.51), а также сильные, средние и слабые связи этих гиперсем с другими гиперсемами и значениями семантического пространства индоевропейского языка [9: 51-63]. В интерпретации ученого эти пять гиперсем по количеству связей обладают ядерным статусом в семантическом пространстве. Количественный анализ в большинстве случаев подтвердил теоретические ожидания и предшествовавшие интуитивные наблюдения ряда исследователей этой области.

[9: 96-102]. Наивысшая частота среди гласных принадлежит а, далее следует о, и с большим отрывом от них отстает е [9: 120]. 8, n, gu8, b, i8h, ku8, m, l, t, p, gh, dh. К наиболее редким начальным согласным относятся (в порядке возрастания частотности) gu82. В аспекте фонетической частотности (в начальной позиции слова) В.В.Левицкий устанавливает наиболее и наименее часто появляющиеся согласные и гласные звуки. Среди согласных приоритет принадлежит (в порядке убывания частотности) s, k, bh, u

3. В фонетико-семантическом аспекте автору удается статистически обнаружить семантический потенциал каждого звука, т.е. его предпочтительные связи с тем или иным семантическим классом. Так, например, для начального bh характерен следующий набор гиперсем: [разъединять], [движение], [звук], [блестеть], [запах], [вкус], [набухать], [расти] [9: 105]. Число связей звука с семантическими классами В.В.Левицкий называет «широтой семантического потенциала», а степень превышения эмпирической частоты над

теоретически ожидаемой «величиной семантического потенциала». При этом статистический анализ показал, что звуки, обладающие наименьшей шириной семантического потенциала, демонстрируют наибольшую величину семантического потенциала. Кроме того, установлена прямая пропорциональная зависимость между частотой звука и числом его семантических связей (шириной семантического потенциала) [9: 108].

За всю многовековую работу по выявлению звуко-смысловых соответствий накоплен уже богатый фоносемантический опыт (более 1000 источников). В принципе существование во всех языках феномена звукоизобразительности не подвергается сомнению. Исследования этого аспекта в широком круге языков приводят к выводу о значительной доле слов, первично мотивированных звукоподражанием или звуко-символизмом. Сочетание лексико-семантических, психолингвистических и статистических методов убедительно свидетельствует о ведущей роли принципа звукоизобразительности и, шире, иконизма в становлении и функционировании языка.

Библиографический список:

1. Античные теории языка и стиля (антология текстов) [Текст] / Общ. ред. О.М. Фрейденберг. – СПб.: Алетейя, 1996. – 362 с.
2. Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 244 с.
3. Вундт, В. Душа человека и животных. Лекции. Т.1-2 [Текст] / В.Вундт. – СПб., 1865-1866.
4. Вундт, В. Индивидуум и общество. Речь, произнесенная 23 апреля 1891 г., в день рождения короля саксонского Альберта, в Лейпцигском университете / Пер. с нем. [Текст] / В.Вундт. – СПб.: Типо-лит. А. Рабиновича и Ц. Крайза, 1896.
5. Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? [Текст] / А.М. Газов-Гинзберг. – М.: Наука, 1965. – 184 с.
6. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
7. Журавлев, А.П. Фонетическое значение [Текст] / А.П. Журавлев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 160 с. с прил.
8. Левицкий, В.В. Звуковой символизм. Основные итоги [Текст] / В.В.Левицкий. — Черновцы, 1998. – 130 с.
9. Левицкий, В.В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского языка. Опыт квантитативного анализа этимологического словаря [Текст] / В.В.Левицкий. – Черновцы: Рута, 2008. – 232 с.
10. Лейбниц, Г.В. Новые опыты о человеческом разуме [Текст] / Г.В.Лейбниц. – М., 1936. – 484 с.
11. Михалёв, А.Б. Теория фоносемантического поля [Текст] / А.Б.Михалёв. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.

12. Михалёв, А.Б. Проблема звукоизобразительности во французской лингвистике [Текст] / А.Б.Михалёв // Вестник ПГЛУ, №№1-2, 1997. — С.25-31.
13. Михалёв, А.Б. Инициаль и финаль как смыслообразующие компоненты корня [Текст] / А.Б.Михалёв // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы V Международного конгресса. Симпозиум X “Теоретические и прикладные аспекты исследования языков”. – Пятигорск, 2007. – С.28-30.
14. Михалёв, А.Б. Семантические прототипы [Текст] / А.Б.Михалёв // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г.Гака. – М.: ЛЕНАНД. 2007. – С.383-388.
15. Михалёв, А.Б. Проблема категоризации (фоносемантический ракурс) [Текст] / А.Б.Михалёв // Problems of General, Germanic and Slavic Linguistics. Papers for 70-th anniversary of Professor V.Levickij. — Chernivtsi: Books — XXI, 2008. – P.163-170.
16. Михалёв, А.Б. Красные нити лексической семантики (гиперсемы РЕЗАТЬ и СЖИМАТЬ во французском языке) [Текст] / А.Б.Михалёв // Французский язык и межкультурная коммуникация. Материалы международной научной конференции. – Пятигорск. 2008. – С.103-110.
17. Михалёв, А.Б. Психолингвистическая проблематика фонестемы [Текст] / А.Б.Михалёв // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы IV Международных Березинских чтений. – Вып. 14. – М., 2008. – С.140-146.
18. Михалёв, А.Б. Фоносемантика и языковая картина мира [Текст] / А.Б.Михалёв // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). Вып.15. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. – С.133-140.
19. Прокофьева, Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное [Текст] / Прокофьева, Л.П. – Саратов: Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. – 280 с.
20. Черепанова, И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного [Текст] / И.Ю.Черепанова. — М., 1996. — 189 с.
21. Шляхова, С.С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики [Текст] / С.С.Шляхова. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. – 346 с.
22. Шляхова, С.С. Фоносемантические маргиналии в русской речи [Текст] / С.С.Шляхова / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Пермь, 2006. – 41 с.
23. Allott, R. The Motor Theory of Language Origin [Text] / R.Allott. – Lewes, Sussex: Book Guild, 1989. – 359 p.
24. Etzel, S. Untersuchungen zur Lautsymbolik / Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie im Fachbereich Neuere Philologien der Johann Wolfgang Goethe [Text] / S.Etzel. – Universität zu Frankfurt am Main, 1983. – 257 S.

25. Magnus, M. The Gods of the Word: Archetypes in the Consonants [Text] / M.Magnus. – Kirksville: Thomas Jefferson University Press. MO. 1998. – 357 p.
26. Magnus, M. A Dictionary of English Sound. <http://www.trismegistos.com>. 1999.
27. Magnus, M. What's in a Word? Evidence for Phonosemantics [Text] / M.Magnus. – University of Trondheim, Trondheim, 2000. – 360 p.
28. Mikhalev, A. Phonosemantic Space as a Language Universal [Text] / A.Mikhalev // 12-th World Congress of Applied Linguistics, AILA.- Tokyo, 1999. Abstracts.
29. Sapir, E. A Study in Phonetic Symbolism [Text] / E.Sapir // Journal of Experimental Psychology, 1929, №12. – P.225-239.